

УДК 811.161.1'373.612

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «АРИАДНА» КАК ОБЪЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Еременко И.А., Гинда Е.Н.

Актуальность. Данная статья является своеобразным продолжением осмысления галереи женских образов А.П.Чехова, начатого нами с пристального взгляда к его Душечке [2]. Проведенное описание концепта «Душечка» (как женского психотипа) позволило прийти к выводу о том, что ядром названного концепта выступает лексема «любовь». Женской сущностью Душечки, ее смыслом жизни была любовь. У Чехова читаем: «Она постоянно любила кого-нибудь, и не могла без этого» [4, т. 10, с. 103]. И как вершина возрожденной любви – зарождающееся и крепнущее материнское чувство. Именно это чувство в конце концов реализовало пожизненную мечту Душечки о невероятной любви, такой, «которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь» [4, т. 10, с. 110].

Постановка проблемы. Таким образом, проведенный концептуальный анализ позволяет оспорить взгляд на Душечку как на не очень «положительный образ» и на рассказ в целом как на юмористический. Дерзнем не согласиться в этом и с самим автором. Возможно, начав воплощение своего художественного замысла с легкой иронии и улыбки, Чехов объективно создает образ мудрой женщины, беззаветно любящей, умеющей создать гармоничные отношения, дающие реальное ощущение человеческого тепла, счастья, любви, добра. Душечка умела любить, умела быть счастливой и, главное, делать счастливыми других. То есть данный художественный персонаж с таким заданным автором генетическим кодом зажил своей самостоятельной жизнью, воплотившей, быть может, *подсознательный* чеховский идеал.

Обратимся к последнему периоду жизни писателя, в который, собственно, и была написана «Душечка» (1898-1903 гг.). Известна точка зрения на брак А.Чехова, провозглашавшая индивидуально-личностную независимость супругов, свободу перемещения каждого из них и т.д., в таком же духе. Практически такие «теоретические» установки и были реализованы им в его браке с О.Я. Книппер. Женившись в 1901 г., за 3 года до смерти, А.Чехов так и остался глубоко одиноким человеком. Был ли он счастлив в семейном кругу, который принципиально ничего не изменил в его жизни? Во всяком случае, в мемуарной литературе сохранилось следующее свидетельство. Когда друзья накануне очередного дня рождения спросили писателя о возможно желанном подарке (при этом перечислялись различные ценные вещи, вплоть до антиквариата), Чехов, грустно и многозначительно помолчал, ответил: «Подарите мне... носки... У меня жена – актриса...».

И наконец, на память приходят последние трагические события жизни писателя: прогрессирующая болезнь, последние дни за границей; печально известные устрицы, сопровождавшие его в последний путь... А ведь будь у А.Чехова своя Душечка, возможно, тепла и любви в его жизни было бы неизмеримо больше. Поэтому, может быть, от возможной «борьбы» между сознанием и подсознанием у писателя и родилась его «Душечка» как результат размышлений о женском идеале.

Более того, существует и еще одно чеховское «подтверждение» высказанному мнению, нашедшее как бы косвенное, но тем не менее реальное художественное воплощение в менее известном рассказе писателя с заглавным женским антропонимом «Ариадна».

Проведенное сравнительно-сопоставительное исследование когнитивной карты антропонимов Душечка – Ариадна приводит к выводу о том, что они в итоге представляют собой контекстуально антонимическую пару концептов, диаметрально противопоставленных друг другу. Причем хронология создания обозначенных женских психотипов подтверждает, с нашей точки зрения, выдвигаемый тезис об «идеальном». Ариадна написана раньше (в период с 1894 по 1897 гг.), чем «Душечка» (1898-1903 гг.). При этом создается впечатление, что, несмотря на абсолютно оригинальную сюжетную канву каждого из рассказов, женское своеобразие оценивается автором по одним и тем же психологическим параметрам: смысл жизни, глобальные ценности, отношение к мужчине, реализация и осознание себя как женщины...

Итак, два рассказа, два женских имени, вынесенных в заголовок. Безусловно, общим местом будет еще одно напоминание о том, что выбор имени героя у мастера художественного слова всегда не случаен. Душечка – у В. Даля читаем: «Душенька, душечка – уменьшительное от душа – милочка, любимый человек» [1, с. 505]. Добавим, по Чехову – любимый и беззаветно любящий, абсолютно растворяющийся в любви к ближнему своему. Более того Душенька – Ольга (Семеновна): Ольга (сканд.) – святая; Семен – древ.-евр. – слышать, слушать или тот, кого слышит бог. Ариадна (греч.) – *arí* (очень) *hapolano* (нравлюсь) [5]. В исследовании Пьера Руже, названном «Влияние имени на жизнь человека», помещенном в справочнике «Тайна имени», находим: «Носящая имя Ариадна – это та, кто присваивает. Перегрызают все преграды на их пути, как их тотемное животное – саранча. Кажутся холодными и неприступными, но это только маска» [6]. Забегая вперед, в скобках заметим, что у чеховской героини маска окажется личностной сущностью героини, т.е. опять же все не случайно.

Далее. Внешность, взгляд, брошенный со стороны на обеих героинь: Душечка ... «Это была тихая, добродушная, жалостливая барыня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая ... Полные розовые щеки, ... мягкая белая шея с темной родинкой, добрая наивная улыбка...» [4, т.9, с. 103]; Ариадна: «Это была брюнетка, очень худая, очень тонкая, гибкая, стройная, чрезвычайно грациозная, с изящными, в высшей степени благородными чертами лица, ... в ее взгляде светилась молодость, красивая, гордая» [4, т.9, с. 110].

И если во внешности Душечки нас ничего нестораживает, а только расслабляет, размягчает, обволакивает, то столь эффектные внешние данные у Ариадны сразустораживают, поскольку тут же оговариваются главным мужским персонажем рассказа, для которого с высоты пережитого это не что иное, как «жестокая иллюзия».

Что же касается личностной сущности сопоставляемых женских типов, то здесь их нравственно-психологическая оппозиция достигает максимального противопоставления.

Детальное обращение к чеховскому тексту приводит к выводу о том, что когнитивная карта антропонима *Ариадна* в качестве ядерного концепта реализует гиперсему «холод» (сравним: Душечка – «любовь»), пронизывающую все повествование от начала и до конца. См.: «Но любить по-настоящему, как я, она не могла, так как была холодна и уже достаточно испорчена» [4, т. 9, с. 112].

«Она убрала (жилье) по своему вкусу, холодно и роскошно» [4, т. 10, с. 125]; «... по ее холодному и упрямому выражению я видел, что в своих мечтах она уже покорила Италию» [4, т.9, с.115]; «... тут же веяло на меня холодом, и когда она говорила мне о любви, то мне казалось, что я слышу пение металлического соловья» [4, т.9, с. 115]; «... она была чувствена, как все вообще холодные люди, и мы оба делали вид, что сошлись по взаимной страстной

**РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «АРИАДНА»
КАК ОБЪЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА**

любви» [4, т.10, с. 126]. Проходит время, и ощущение холода не только не рассеивается, но все более усиливается и перебрасывается на всех находящихся рядом с Ариадной, оно порождает пессимизм, агрессию, жестокость, разрушая, а в итоге и абсолютно уничтожая и совершенно охлаждая некогда тонкое, деликатное и искреннее чувство любви к этой женщине.

С нашей точки зрения, обозначенный концепт реализует в своей структуре целую систему составляющих, позволяющих наиболее зримо и выпукло воспринять своеобразие данного характера. При этом каждый из составляющих (периферийных) концептов разворачивается в ту или иную прототипическую систему (с точки зрения Ч. Филлмора, прототипический каркас), прототипическая семантика позволяет говорить о центральном или ядерном смысле лексемы [3].

Проведенный концептуальный анализ данного объекта позволяет утверждать, что фасетный каркас концепта «холод» реализуется следующими составляющими: эгоцентризм, смысл жизни и ощущения мужчин от общения с Ариадной. При этом каждый из заданных элементов системы выстраивается Чеховым как разветвленная, многокомпонентная подсистема. Итак, рассмотрим детально обозначенные фрагменты:

1. Эгоцентризм. Это личностная сущность Ариадны, определяющая ее внутреннюю и внешнюю мотивацию в общении с окружающими людьми (вспомним для сопоставления о всепоглощающем альтруизме Душечки, составляющем ее личностную сущность). Наиболее яркие проявления такого мироощущения у Ариадны следующие: а) необузданные, бесконечные, вздорные желания, в основе которых заложено сиоминутное, безоговорочное «хочу!» («Эти необузданные желания порой приводили в отчаяние всю усадьбу» [4, т.10, с.111]; «Ариадна, точно ребенок, не хочет войти в положение и сорит деньгами, как герцогиня» [4, т.9, с.122]; б) жажда абсолютной власти над мужчиной (вспомним Душечку – абсолютное, всепоглощающее растворение в мужчине, его потребностях и желаниях) «...то, что я был в ее власти и перед ее чарами обращался в совершенное ничтожество, доставляло ей то самое наслаждение, которое победители испытывали когда-то на турнирах» [4, т.9, с.127]; в) всепоглощающая потребность в личных успехах (она мечтала, страстно хотела быть очень богатой и знатной: «и эти постоянные мысли все в одном направлении расхолаживают людей, и Ариадна была холодна и ко мне, и к природе, и к музыке»; «... она мечтала о титуле, о блеске...» [4, т.9, с. 112]; г) жестокость, которая так часто бросается в глаза герою и потрясает его: «Ей ничего не стоило даже в веселую минуту оскорбить прислугу, убить насекомое; она любила бои быков, любила читать про убийства и сердилась, когда подсудимых оправдывали» [4, т.9, с.125]; «И даже какое-то ожесточение слышалось в ее голосе» [4, т.9, с.115]; д) Как итог всячески культивируемого в себе эгоцентризма – неспособность, нежелание любить: «прежде всего я понял, что Ариадна, как и прежде, не любила меня... Она была чувствительна, как все вообще холодные люди, – и мы оба делали вид, что сошлись по взаимной страстной любви» [4, т.9, с.126]. Ариадна старалась влюбиться, делала вид, что любит, и даже клялась мне в любви..., но ложь была настолько очевидной и даже осязаемой, что тут же веяло на меня холодом». Вспомним для сравнения, что Душечка «постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого» [4, т.10, с.103].

Продолжим рассмотрение микроконцепта «смысл жизни» Ариадны в качестве составляющей макроконцепта «холод». Если для Душечки смыслом жизни была всепоглощающая любовь, стремление сделать любимого человека (будь то мужчина или ребенок) счастливым, дарить ему тепло и заботу, то для Ариадны смыслом жизни является нечто совершенно другое. Что же именно? «Она просыпалась каждое утро с единственной мыслью: «нравиться!» [4, т.9, с. 128]. И это было целью и смыслом ее жизни. Нравиться, чтобы всецело подчинить мужчину своей чувственной власти для достижения мишурной, холодной мечты – богатства, блеска, самолюбования.

Соответствующий смысл жизни реализуется ею и соответствующими средствами, которые могут быть описаны нами в виде суммы микроконцептов:

а) ложь как основа общения с кем бы то ни было; выяснение бесконечных «неправд» до полного изнеможения: «Я думал: для чего же даны ей богом эта необыкновенная красота, грация, ум? Неужели для того только, чтобы валяться в постели, есть и лгать, лгать без конца? Да и была ли она умна?» [4, т.9, с.128]. «Главным, так сказать, основным свойством этой женщины было изумительное лукавство [1]. Она хитрила постоянно, каждую минуту, по-видимому, без всякой надобности, а как бы по инстинкту ... без кривлянья и ломанья не обходился ни один разговор, ни одна встреча» [4, с. 127];

б) хитрость и остроумие, опять же для того, чтобы не быть искренней в отношениях с людьми, а лишь казаться таковой. «Но она была дьявольски хитра и остроумна, и в обществе умела казаться очень образованным, передовым человеком» [4, т.9, с. 128].

Она серьезно страдала бы, если гипотетически можно было бы предположить, что кому-то она может не понравиться (в реальной же жизни ею такая ситуация просто не допускалась).

И, наконец, самая обнажающая и беспощадная концептуальная составляющая – «ощущения мужчин от общения с Ариадной».

И опять Душечка. Если она была счастлива от того, что делала счастливым другого, то Ариадна – это ощущение ледящего холода, ожесточения, полного и глубочайшего разочарования. В итоге Ариадна ассоциируется у главного героя с первобытной самкой, человеком-зверем, тигрицей, общение с которой делает героя страстным, убежденным женоненавистником. Для него после общения с ней настоящая любовь, одухотворенная «чистым сердечным порывом» и уважением к женщине, рассеивается как тяжелый туман после изнуряющей и разрушительной болезни, как ему кажется, навсегда.

Обратимся вновь непосредственно к чеховскому контексту и восстановим картину многочисленных микроконцептов, воссоздающую общую психологическую картину «ощущения»: мне все сочувствовали (и отец, и соседи, и мужики) [4, т.9, с.111]; «(мне) сделалось страшно, эти ласки без любви причиняли страдание» [4, т.9, с.115]; «Я похолодел, руки и ноги у меня онемели; и я почувствовал в груди боль, как будто положили туда трехугольный камень» [4, т.9, с. 116]; «После этого разговора я не спал всю ночь, хотел застрелиться,... потом рыдал...» [4, т.9, с.117]; состояние «стало невыносимо» [4, т.9, с.118]; «... и такая сильная ревность вдруг овладела мной, что я вскакивал от душевной боли» [4, т.9, с.124]; «... я сильно тосковал...» (без Ариадны) [4, т.9, с.127]; «... я был в ее власти и перед ее чарами обращался в совершенное ничтожество...» [4, т.9, с.127]; «Эти разговоры о сложении ее тела, о цвете кожи оскорбляли меня...» [4, т.9, с.127]; «... и чтобы досадить мне...» [4, т.9, с.127]; «Мне уже надоело вникать в ее хитрости» [4, т.9, с.130] и т. д.

Со временем уже сами места совместного проживания с Ариадной становятся для героя ненавистными, поскольку бессмысленная праздность, ничегонеделанье и прожигание чужих денег вызывают у него опустошение, духовное, нравственное, физическое («Теперь она может жить только в курортах...»; «... до какой степени я ненавижу все эти курорты, как в них бывает душно и стыдно» [4, т.9, с. 130]).

Сила и глубина отрицательного опыта отношений с Ариадной приводит Шамохина к трагическим для него обобщениям и рассуждениям, порождая тяжелейший пессимизм, агрессию, жестокость, холодность, разрушают душевную гармонию, внутреннее созидательное начало, умиротворение. Это с одной стороны, а с другой – в нем формируется, нарастает нравственный антагонизм, все большая потребность в абсолютно других, противоположных точках отсчета, в иной жизни, в иных ощущениях и эмоциях; в подсознании концентрируется огромная тоска по несбывшемуся, по душевному теплу, человеческой заботе, нежности, открытости и доброте... Обо всем том, что составляло смысл жизни другой чеховской женщины – Душечки. При этом единственное, переполняющее героя

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «АРИАДНА» КАК ОБЪЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

чувство финального этапа общения с Ариадной, когда все отношения уже давно изжили себя, так ничего и не создав, это невероятная потребность в разрыве, обретении свободы, осмысленного, наполненного трудом существования; желание уйти, «уехать... в деревню, к отцу» [4, т.9, с.132]. Желание все изменить, все оставить в прошлом, чтобы начать жить заново, с чистого листа.

Выводы. Таким образом, проведенный сравнительный концептуальный анализ двух женских типов и выявленная абсолютно идентичная внутренняя схема построения анализируемых образов свидетельствуют об их явной сопоставимости, об очевидных авторских симпатиях, воплотивших рассуждения А.Чехова о женщине, о ее назначении, о Душечке, наконец, как женском идеале, о приближении этого идеала.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. 1.
2. Еременко И.А. Женский психотип в художественной концепции А.П.Чехова (по материалам рассказа „Душечка” //Семантика мови і тексту. Зб. стат. VIII Міжнар. наук. конф. 22-24 жовтня 2003 р. – Івано-Франківськ: Плай, 2003. – С. 156-160.
3. Филлмер Ч. Об организации семантической информации в словаре //Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 23-60.
4. Чехов А. Полн. собр. соч.: В 30 тт. – Т. 9-10. – М., 1977.
5. Скрипник Л.Г., Дзятківська. Власні імена людей. – К.: Наукова думка. 1986. – С. 86, 106, 151.
6. Руже П. Тайна имени. – Харьков, 1986. – С. 169-170.

Поступила в редакцию 10.02.2005 г.